

Ань Бэйлэ слегка поклонился ему, сжав брови и губы в вымученной улыбке, что было ответным приветствием, затем боком проскользнул мимо и поспешно удалился. Чэн Фэнтай не ожидал, что у Шан Сижую есть такой талант — выводить людей из себя. Он огляделся и увидел, что старшая сестра Юань Лань как раз выходит из двери напротив Шан Сижую, переступая порог с сигаретой. На ней был накинут пальто, а под ним — только шёлковое платье на бретелях. Она бросила взгляд на дверь Шан Сижую и подмигнула Чэн Фэнтаю. У того в голове сразу сложилась примерная картина. За годы жизни в обществе он уже перестал быть тем вспыльчивым юнцом, что рвётся отстоять своё достоинство любой ценой, и не имел той упрямой натуры, что присуща потомкам восьми знамён. Подойдя к двери гримёрки, он столкнулся с охранником, который, словно железный страж, преградил ему путь, не позволяя никому войти без разрешения. Сяо Лай не успела ничего сказать, как Чэн Фэнтай обнажил улыбку легкомысленного повесы, поднёс указательный палец к губам, сделав жест, призывающий к тишине, и мягко произнёс:

— Я знаю, я не войду. Могу просто подождать здесь, ладно? Ты сегодня устала, Сяо Лай, позволь мне тебя подменить.

Сяо Лай, конечно, не согласилась бы. В этот момент Чэн Фэнтай обменялся взглядом с Юань Лань. Та бросила на него недовольный взгляд, подумав, как же он умеет использовать людей, потушила окурок, поправила воротник и, с милой улыбкой, подошла к Сяо Лай, обняв её за плечи и уводя внутрь:

— Ах, Сяо Лай, ты тоже отдохни! Брат Жуй поёт на сцене, а ты тут стоишь, прислуживаешь; он сходит со сцены, а ты всё стоишь. Сколько часов ты уже на ногах? Поглядишь на него позже, он никуда не денется! А? Глупенькая!

Сяо Лай не смогла противиться и неохотно позволила себя увести. Юань Лань, оглянувшись, бросила Чэн Фэнтаю кокетливый взгляд, на что он ответил тем же. Вся эта сцена, происходящая в театральной труппе, напоминала атмосферу баров и флирта.

Чэн Фэнтай подошёл к двери, прильнув, чтобы заглянуть внутрь. Старомодные окна были затянуты бумагой, которая скрывала происходящее даже сильнее, чем матовое стекло, невозможно было разглядеть, сколько внутри людей. Охранник рядом уставился на него, словно упрекая в бесцеремонности. Чэн Фэнтай улыбнулся ему, одной рукой засунув в карман брюк, а другой предложив сигарету. Охранник не принял. Тогда Чэн Фэнтай закурил сам, сделал затяжку, запрокинул голову и медленно выдохнул дым, будто он действительно просто стоял у двери, совершенно беззаботно.

Тонкая бумага на окне имела свои преимущества — она была настолько прозрачной, что можно было отчётливо услышать голос Шан Сижую:

— Тебе не следовало ссориться с Ань Бэйлэ. У него не было такого намерения.

Другой голос, глухой и пустой, ответил:

— Какое ещё у него может быть намерение! Я терпел их унижения раньше, но теперь больше не стану!

Чэн Фэнтай, проведя много времени с актёрами, сразу понял, что этот голос тоже принадлежит артисту. Актёры всегда говорят с особым акцентом, который невозможно скрыть или подделать.

Шан Сижуй вздохнул:

— Ну ладно, как знаешь. — В его голосе звучала явная покорность.

Тот человек на мгновение замолчал, подавив прежнее раздражение, и мягко произнёс:

— Ты сегодня великолепно спел, просто великолепно... Я давно не слышал, как ты поёшь мужские партии.

Шан Сижуй тихо рассмеялся:

— Да, я давно не пел мужские партии, но в этот раз у меня хороший партнёр.

Послышался шелест одежды и шаги, приближающиеся к свету. Казалось, тот человек встал позади Шан Сижую, поглаживая его спину или волосы. Чэн Фэнтай мог представить, как тот смотрит на Шан Сижую в зеркале с обожанием.

— Глядя на тебя на сцене, я невольно вспомнил себя. Если бы я продолжал петь, кто знает, как бы всё сложилось?

Шан Сижуй задумался и с игривой улыбкой, какую он обычно использовал с коллегами по труппе, ответил:

— Если бы ты продолжал петь, возможно, был бы вторым после меня.

Шан Сижуй никогда не позволял себе таких хвастливых заявлений на публике, боясь, что его обвинят в высокомерии. Хотя в душе он всегда был высокомерен. То, что сегодня он осмелился сказать это вслух, говорило о близости с тем человеком.

Тот тихо рассмеялся, но было непонятно, обиделся ли он.

Шан Сижуй продолжил:

— Если ты действительно хочешь петь... возвращайся на сцену. Столько лет тренировок — жаль бросать.

Шан Сижуй ещё не закончил говорить, а Чэн Фэнтай уже увидел, как охранник у двери нахмурился, насторожившись, и придвинулся к щели, будто готовый ворваться внутрь.

Тот человек наконец усмехнулся и повысил голос:

— Петь? Куда мне теперь петь?! Старик был прав: я всего лишь актёр, и сколько бы я ни пел, не вырвусь из его рук. Попав к нему, я обрёл себя на эту судьбу! — Его голос стал выше, с лёгким фальцетом, что указывало на его амплу женских ролей.

Шан Сижуй сказал:

— Когда я решил уйти от командующего Цао в Бэйпин, чтобы петь, он тоже не соглашался. Я рискнул жизнью, чтобы сбежать.

Тот человек долго молчал, а затем с грустной улыбкой произнёс:

— Ты свободен. А я связан по рукам и ногам.

Шан Сижуй никогда не понимал, что значит быть вынужденным:

— Всегда есть способ сбежать. Или приходи петь в мой Терем Водных Облаков, я тебя защищу!

Охранник, услышав это, не выдержал, постучал в дверь и тихо сказал:

— Господин Чу, уже больше двух часов, господин волнуется.

Внутри господин Чу проигнорировал его и продолжал:

— Я давно не пел, если начну, вряд ли смогу так же ярко, как ты. Твой голос стал ещё звонче, чем два года назад, а твоё владение мечом — великолепно! Но мне всё же больше нравится твоя роль Красной Невесты. Когда ты снова споёшь её?

Шан Сижуй рассмеялся:

— Я уже больше года не касался этой пьесы. Сейчас здесь господин Юй, и я хочу спеть больше оперы куньцуй. Когда закончится «Повесть о скрытом драконе», в новом сезоне я спою с ним «Подругу, ценящую аромат»!

Господин Чу хлопнул в ладоши:

— Это ещё лучше! Сейчас все знают только пекинскую оперу «Подруга, ценящая аромат», но не знают, что это две разные истории, просто названные одинаково. Ты и Цзюлан когда-то пели её? Твоя Цао Юйхуа была великолепна!

Чэн Фэнтай мог представить, как Шан Сижуй, получив похвалу, гордо поднимает голову, его острый подбородок слегка вздёрнут.

Господин Чу вдруг снова стал мрачным:

— Жаль, что на этот раз я не услышу вас. После Нового года я уеду с господином в Нанкин, и неизвестно, вернусь ли я когда-нибудь в Бэйпин. Господин в таком возрасте, кто знает, сколько

ему осталось...

Шан Сижуй хотел что-то сказать, но господин Чу, почти плача, перебил его:

— За эти годы я нажил немало врагов рядом с господином, и они только ждут, когда он закроет глаза, чтобы расправиться со мной! Вероятно, мне не суждено вернуться. Жуй, это наша последняя встреча!

Шан Сижуй, познакомившись в Бэйпин с группой знатных молодых людей, привык называть актёров «господами». Стало ясно, что этот господин Чу был другом Шан Сижуйя, часто вращавшимся среди бывших аристократов и высокопоставленных лиц. Чэн Фэнтай также понял, что имелось в виду под «господином». Это было обычным явлением среди высшего класса: старик, впавший в маразм, окружал себя молодыми любовницами или танцовщицами, чтобы скрасить свои последние годы. Жена, видя это, злилась и вместе с детьми вступала в борьбу с «лисицей», которая, пользуясь благосклонностью господина, часто выигрывала пару схваток, наживая себе врагов. Все только и ждали, когда старик умрёт, чтобы с ней расправиться.

Шан Сижуй вздохнул, разочарованный, и начал говорить о побеге. Но едва он начал, охранник толкнул Чэн Фэнтая, ворвался в комнату и, низко поклонившись, сказал:

— Господин Чу, уже поздно, нам действительно пора возвращаться.

<http://bllate.org/book/15435/1368625>